Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 128–138
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(4):128–138
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 322.22:297.1+37.017.93(470.661)
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-128-138 EDN MRMNAI

Исламское образование в Чечне: историко-политические и духовно-культурные факторы становления

Вахит Хумидович Акаев[1], Шамиль Равильевич Кашаф[2]

[1]Комплексный научно-исследовательский институт имени Х. И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия, akaiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7987-3431

[2]Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, 9289314@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7808-5604

Аннотация. Исламское образование в Чечне имеет свои историко-политические и духовно-культурные факторы становления, восходящие к периоду принятия ислама чеченцами, связанные с социально-политическим устройством их общества, верованиями, арабскими завоевательными походами, строительством мечетей, при которых всегда создавались начальные мусульманские школы (*мектебе*), а также средние школы (*медресе*). Эти школы бытовали на Северном Кавказе, Поволжье, Средней Азии, имели кадимистскую (или бухарскую) систему подготовки детей. На заре советской власти все исламские учебные заведения, за редким исключением находившихся в Узбекистане, по политическим соображениям были ликвидированы. Исламское образование в СССР было в целом прервано как чуждое прогрессивному советскому обществу явление. Религиозное образование, в том числе исламское, в постсоветский период в России, в ее регионах, реанимируется, приобретает новый статус и получает ощутимое развитие. Целью статьи является рассмотрение опыта развития исламского образования в Чечне, в том числе современного – в контексте задач укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, гармонизации общественных и государственных интересов. Делается вывод о том, что проводимая в Чеченской Республике модернизация исламского образования становится существенным фактором религиозной и национальной безопасности региона и России в целом. В республике создана единая и жизнеспособная система непрерывного исламского образования и науки, представленная тремя уровнями духовного образования.

Ключевые слова: алимы, духовный суверенитет, идентичность, ислам, исламское образование, Коран, мута'аллимы, национальная безопасность, чеченцы

Для цитирования: Акаев В. Х., Кашаф Ш. Р. Исламское образование в Чечне: историко-политические и духовно-культурные факторы становления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 128–138. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-128-138. EDN MRMNAI

Politology and Ethnopolitics

Original article

Islamic education in Chechnya: historical, political, spiritual and cultural factors of formation

Vahit Kh. Akaev[1], Shamil R. Kashaf[2]

[1]Kh. I. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia, akaiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7987-3431

[2]Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 9289314@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7808-5604

© Акаев В. Х., Кашаф Ш. Р., 2023

Abstract. Islamic education in Chechnya has its own historical-political and spiritual-cultural factors of formation, dating back to the period of the adoption of Islam by the Chechens, associated with the socio-political structure of their society, beliefs, Arab conquests, the construction of mosques, during which primary Muslim schools were always created, also madrasah secondary schools. These schools existed in the North Caucasus, the Volga region, and Central Asia; they had a Kadimist (or Bukhara) system of training children. At the dawn of Soviet power, all Islamic educational institutions, with rare exceptions located in Uzbekistan, were liquidated for political reasons. Islamic education in the USSR was generally interrupted as a phenomenon alien to progressive Soviet society. Religious education, including Islamic, in the post-Soviet period in Russia and its regions, is being revived, acquiring a new status and receiving tangible development. The purpose of the article is to consider the experience of the development of Islamic education in Chechnya, including modern ones, in the context of the tasks of strengthening the state unity and integrity of the Russian Federation, preserving the ethnocultural identity of its peoples, ensuring the constitutional rights and freedoms of citizens, harmonizing public and state interests. It is concluded that the modernization of Islamic education carried out in the Chechen Republic is becoming a significant factor in the religious and national security of the region and Russia as a whole. A unified and viable system of continuous Islamic education and science has been created in the republic, represented by three levels of spiritual education.

Keywords*:* Islam, Islamic education, spiritual sovereignty, Chechens, identity, national security, Koran, Ulama, Muta'allim

For citation: Akaev V. Kh., Kashaf Sh. R. Islamic education in Chechnya: historical, political, spiritual and cultural factors of formation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(4):128–138. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-128-138. EDN MRMNAI

Введение

Нашедшие в последнее время отражение в целом ряде научных публикаций отечественных исследователей проблемные вопросы дальнейшего развития исламского образования в России, способного в том числе привести к возвращению конкурентного статуса отечественной мусульманской богословской школы в мировой умме, а также совершенствования кооперации учрежденных духовными управлениями мусульман образовательных институций с государственными университетами и научными центрами в рамках формирования национальной системы подготовки кадров с углубленной специализацией по истории и культуры ислама, на наш взгляд, вносят важные акценты в образовательной повестке также и в контексте общественно-политического дискурса общероссийской гражданской идентичности.

При разнообразии мнений квинтэссенция этого рода суждений эксплицитно развернута в совместной статье А.-Х. А. Султыгова, Е. В. Еремина и Р. М. Мухаметшина на страницах журнала «Вестник Российской нации». Авторы публикации, оценивая изменения в отечественном исламском образовании, начавшиеся с нулевой отметки в 1990-е гг., высказываются о нем как об одном из важнейших факторов «гармонизации межнациональных отношений и развития межрелигиозного сотрудничества, укрепления гражданской, религиозно-культурной идентичности мусульман, национальной безопасности и общественно-политической стабильности России» [1, с. 16]. Основной посыл статьи отчетливо содержит прогосударственную направленность, и это не случайно: первые двое из авторского коллектива являются лицами, аффилированными также с Управлением Президента Российской Федерации по внутренней политике, которое непосредственно держит в фокусе своего внимания вопросы взаимодействия государства с религиозными организациями, в том числе в области национально-ориентированной государственной системы подготовки специалистов для духовных управлений мусульман.

Органы государственной власти оказывают содействие становлению и укреплению исламского образования в стране, рассчитывая на то, что благими плодами, которые мусульманскому сообществу принесет просвещение, основанное на прочном фундаменте веры и науки, станет повышение уровня гражданского самосознания и гражданской культуры российских мусульман, отождествление себя со своей страной, ее традиционными ценностями и культурой, с гражданским сообществом как гражданской политической нацией.

«Образование, в т. ч. религиозное, во все времена выступало в качестве одного из основных каналов формирования гражданского самосознания и важнейших форм идентичности, – отмечают В. Д. Лаза и А. А. Беломыцев. – С учетом этого факта, после вхождения в состав России территорий, населенных народами, которые исповедуют ислам, исламское образование получает поддержку на государственном уровне» [2, с. 57]. Как справедливо указывается, обеспечение конструктивного взаимо-

действия между мусульманским сообществом и государственной властью, развитие отечественной системы
исламского образования теснейшим образом связаны «с задачами укрепления государственного единства и целостности РФ, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, гармонизации общественных и государственных интересов» [2, с. 68].

Исламская образовательная система в России, к системному решению проблем которой по инициативе президента В. В. Путина государственная власть активно приступает с начала нулевых годов, в 2013 г. получает очередной импульс к развитию и интеграции в общероссийское образовательное пространство после встречи главы государства с представителями мусульманских религиозных организаций в Уфе. Выступая с речью на торжествах в честь 225-летия Центрального духовного управления мусульман России – правопреемника Оренбургского магометанского духовного собрания, с созданием которого по указу Екатерины II (1762–1796) от 22 сентября 1788 г. «было начато формирование органов управления мусульманами России» [3, с. 45], президент РФ высказывается об исламе как о неотъемлемой части культурного кода и истории страны[1].

Соответственно, любые внешние вызовы российской мусульманской общине (умме) со стороны тех сил, которые хотели бы через религиозно-культурно-цивилизационный разлом нанести ущерб духовному суверенитету страны, обладающему ценностью для российской государственности, воспринимаются политическим руководством как угрозы национальной безопасности и единству многоконфессионального общества в целом.

Акцент на этом также делается Путиным в столице Башкортостана в ходе его общения с муфтиями. Осознавая реальную опасность активизации работы с верующими мусульманами со стороны неформальных исламских лидеров, представляющих чаще всего чуждые России богословские школы, нарастающе-радикальные экстремистские идеи и интерпретации, президент в своем призыве к мусульманским духовным лидерам инициативно им противостоять апеллирует, прежде всего, к многовековому опыту, накопленному в отечественной системе религиозного образования, и имеющемуся уникальному богословскому достоянию[2].

Мобилизация инициативного императивно-ценностного действия имеет большую важность в наши дни, когда, на что указывает В. Ю. Зорин, «традиционные культуры и духовные ценности находятся под прицелом внешних сил, агрессивно продвигающих в мире циркулярную идеологию и формирующих новую релятивистскую культуру, отрицающую в первую очередь религиозность и семейные ценности» [4, с. 203].

Цель статьи

Таким образом, повестка дня национальной безопасности обоснованно обусловила настоятельность развертывания современной системы исламского образования, интегрированной в общеобразовательное пространство и позволяющей использовать потенциал богословского наследия мусульман России для модернизации механизма воспроизводства религиозных и научных кадров. И что немаловажно, как особо подчеркнул президент РФ на встрече в Казани 25 января 2018 г. с представителями мусульманских религиозных организаций и руководителями Болгарской исламской академии, – «на собственной национальной базе, на основе нашего традиционного ислама»[3].

Для того, чтобы мусульманская община страны смогла почувствовать себя неотъемлемой частью исламского мира и обладать при этом собственными чертами, как сформулировал задачу глава государства, находясь в столице Татарстана, формирование автономной богословской школы в России в контексте задач государственной национальной политики предполагает также «укрепить конкурентоспособность российских исламских учебных заведений, поступательное развитие образовательного процесса в медресе и колледжах, создание учебников и учебно-методических пособий, выдерживающих конкуренцию на международном уровне» [2, с. 70]. Такая работа по поручению президента РФ проводится с целью оказания организационно-материальной и научно-методической помощи в развитии

[1] Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на торжественном собрании, посвящённом 225-летию Центрального духовного управления мусульман России 22 октября 2013 г. // Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19473 (дата обращения: 16.06.2023).

[2] Там же.

[3] Встреча с муфтиями централизованных религиозных организаций мусульман России и руководителями Болгарской исламской академии // Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56702 (дата обращения: 16.06.2023).

сферы мусульманского образования, прежде всего в рамках федеральной программы по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

Соответствуя и отвечая вызовам современности, Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи (РИУ), являющийся высшим и главным религиозным учебным заведением Чеченской Республики, с момента открытия в 2009 г. приобрел существенный опыт ведения образовательной деятельности по религиозному и светскому направлениям. Образовательная организация, располагающаяся в г. Грозном, носит имя одного из выдающихся духовных лидеров чеченского этноса шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Миротворческие идеи этого проповедника и его учение о ненасилии во имя сохранения своего народа, содержавшие призывы «отказаться от греха и пороков, к духовному и нравственному совершенству» [5, с. 12], содействовали прорыву от культа силы к культуре мира, гуманизма в Чечне, укреплению позиций мировой монотеистической авраамической религии – ислама на Северном Кавказе в целом, а в настоящее время служат просвещению молодежи региона в духе традиционных мусульманских ценностей.

Целью статьи является рассмотрение опыта развития исламского образования в Чечне, которое имеет свои историко-политические и духовно-культурные факторы становления, восходящие к периоду принятия ислама чеченцами, связанные с социально-политическим устройством их общества, верованиями, арабскими завоевательными походами, строительством мечетей, при которых всегда создавались начальные мусульманские школы (*мектебе*), а также средние школы (*медресе*).

Распространение исламского образования в Чечне

Развитие исламского образования в Чечне, обусловленное проникновением ислама к вайнахам (ингуши и чеченцы), балкарцам и кабардинцам во времена завоевательных походов Арабского халифата на Дагестан (VII в.) [6, с. 158], было сопряжено со строительством мечетей, при которых создавались начальные исламские школы (*мектебы*), порой называвшиеся «*медресе*». У чеченцев они именовались *хьужарш*. Духовенство в них обучало детей правилам чтения Корана (*таджвид*), его переводу на чеченский язык, арабскому письму, грамматике, выполнению исламских обрядов.

Наиболее ощутимое распространение ислама среди чеченцев и соответственно исламского просвещения произошло в конце XVI – начале XVII в. в восточной части Чечни. Активную миссионерскую деятельность осуществляли чеченские проповедники Термаол [7, с. 54–55], который при большом стечении народа «в торжественных словах описывал всемогущество Бога мусульман; в ярких красках изображал рай, уготованный правоверным» [7, с. 54] и Берса (Берсан; 1561–1623) [7, с. 55–56; 8]. Им удалось призвать к исламу преобладающую часть населения.

В третьей четверти XVIII в. процесс укрепления позиций ислама на территориях проживания чеченцев тесно связан с деятельностью мусульманского религиозного проповедника Ушурмы (предп. 1760–1794), получившего имя Мансура, из аула Алды [7, с. 59–61; 9, с. 387], стремившегося «к утверждению в чеченском обществе шариатских норм ислама вместо адата, к утверждению истинно исламских ценностей, с призывами к самосовершенствованию людей» [10, с. 134] и ставшего «первым на Северном Кавказе идеологом и политическим вождем, кто на основе ислама попытался объединить горцев и создать независимое горское государство» [10, с. 139].

При шейхе Мансуре процесс утверждения ислама сопровождался возрастанием роли мусульманского духовенства, начавшего повсеместно строить мечети, создавать начальные исламские школы – *хьуьжарш* для обучения детей и взрослых. Усилиями Ушурмы разрозненные чеченцы сплачивались на основе шариата и переживали рост духовного просвещения. Его усердное духовное служение, консолидирующее чеченский народ, способствовало широкому признанию Мансура в качестве своего *устаса (устаза)*, то есть духовного учителя [7, с. 60].

Ш. Б. Ахмадов, автор монографии о Мансуре[1], отмечает, что Ушурма, призывавший чеченцев отказаться от обычая кровной мести, добивался преодоления конфликтов внутри чеченского общества, при этом придерживался исламской программы, призывал мусульман к возвращению к чистому исламу, аскетизму, борьбе против адатов, введению шариата, распространению газавата против неверных [11, с. 146].

Особенности исламского образования, которое исторически сложилось на Северном Кавказе, раскрыты в опубликованном в 70-е гг. XIX в. труде «Воспоминание муталима» Абдуллы Омар-оглы, работавшего переводчиком Кавказского горского управления в Тифлисе. Этот автор отмечает: «у горских племен Дагестана родители считают священным долгом обучать детей своих арабской грамоте, чтобы

[1] Первое издание этой монографии увидело свет в г. Грозном в 1990 г.

доставить им возможность со временем читать Коран» [12, с. 13–14]. Успехи освоения учениками, преимущественно состоявших из мальчиков, учебного материала в горских школах отмечались поэтапно: «в конце курса учителю подносили денежный подарок, в размерах 2,5 дореволюционных серебряных рублей (*куруш*)» [13, с. 13].

Среди учебников, сохранивших свою наибольшую популярность в Дагестане вплоть до 20-х годов XX в., по которым обучались и студенты-*мута'аллимы* из Чечни, Ингушетии и Азербайджана, считались *Тасриф ал-'Иззи* аз-Занджани, комментарий на него Са'д ад-дина Мас'уда б. 'Умара ат-Тафтазани, *Ми'ат 'амил '*Абд ал-Кахира ал-Джурджани, *ал-Мукаддима ал-Аджуррумиййа* Мухаммада б. Дауд ас-Санхаджи б. Аджуррум, *ал-Унмузадж фи-н-нахв* Махмуда б. Умара аз-Замахшари, комментарии и супракомментарии на эту книгу – работы Мухаммада ал-Ардабили, *Изхар ал-асрар* ал-Биркави, Марах ал-Арвах Ахмада б. Али б. Мас'уд, комментарий на него Ахмада ад- Динкузи, *ал-Кафийа фи-н-нахв* и *аш-Шафийа фи-с-Сарф* Джамал ад-дина ал-Хаджиба и др. [13, с. 214–236].

Система мусульманского образования, сложившаяся среди дагестанских горцев, постепенно распространялась и в Чечне. Но тем не менее, как считает Ф. И. Леонтович, в конце XIX в. у чеченцев не было ни одного ученого *алима*, и молодежь отправлялась изучать арабский язык и Коран в соседний Дагестан – в аулы Чиркей, Акуша, Кази-Кумык [14, с. 86]. Жители многих чеченских селений в горах и на плоскости приглашали образованных мулл, учителей, чтобы они управляли их духовными делами и обучали детей Корану. Факты свидетельствуют о том, что чеченцы пользовались услугами религиозно образованных дагестанцев, а ингуши – чеченцев.

Исламское образование чеченцев в прошлом отличается своими местными особенностями, которые восходят к временам распространения среди них ислама, появления мечетей, примечетских начальных школ, именуемых мектебе. Эти школы изначально возникли в странах Востока, затем появились и в Российской империи. У чеченцев конфессиональное начальное образование, предполагавшее знакомство с богословием и мусульманским правом, обеспечивалось в функционировавших медресе, именовавшихся «*хьужарш*»[1]. В царской России такие школы существовали в каждом крупном населенном пункте Чечни и носили имена своих основателей из числа известных *алимов*[2]. Например, в Урус-Мартане существовали хьуьжарш Ибрагима-хаджи Гойтинского (1846–1919), Гаки-муллы. Такие школы существовали в чеченских аулах Дарго, Ведено, Шали, Старые-Атаги, Урус-Мартан, Халкелой, Гуш-Корт и др.

В конце XIX в. в чеченском селе Агишты жил алим Гойсум, получивший исламское образование в Египетском университете Аль-Азхар. По окончании обучения он вернулся на родину, открыл в селе школу и занялся религиозным обучением детей односельчан и из близлежащих селений. Его сын Сугаип-мулла Гойсумов (1837–1932) переселяется в крупное село Шали (поэтому его называют Шалинским), где он занимается активной богословской и религиозно-практической деятельностью; со временем становится лидером мусульман Чечни.

В начале XX в. Тасу Арсанукаев (1880–1943), выходец из семьи занимавшегося земледелием и врачеванием Арсанака из села Алхан-Юрта, получает религиозное образование у Ибрагима-хаджи Гойтинского. По приглашению именитого чеченского богослова Гака-хаджи из Урус-Мартана Т. Арсанукаев переходит обучаться в его медресе, где продолжает свое духовное становление. Предание утверждает, что местные *мута'аллимы* (ученики) негативно восприняли появление среди них преуспевающего в знаниях Тасу. Ответной реакцией Гака-хаджи стало его предложение недовольным покинуть хьуьжарш. В дальнейшем по протекции своего учителя Тасу Арсанукаев смог получить финансовую поддержку от состоятельного мецената для продолжения учебы в одной из арабских стран. В начале 20-х гг. XX в. Тасу Арсанукаев становится имамом мечети Алхан-Юрта, сохранив по-прежнему высокие духовные отношения со своим наставником.

В истории отложился факт, когда представители близкородственного чеченцам этнического объединения и их ближайшие соседи, ингуши, испытывая потребность в образованном руководителе богослужений в Насыр-Кортской мечети, расположенной вблизи Назрани, обратились к Гака-мулле с просьбой переехать к ним. Однако он в силу преклонного возраста не мог удовлетворить желание ходатаев и порекомендовал обратить свой взор на Тасу-муллу, заметив, что бывший его ученик не уступает в исламских знаниях своему учителю. Столь значимая рекомендация Гака-хаджи оказалась весьма убедительной, и Тасу Арсанукаева приглашают в Ингушетию, где ему предстоит провести несколько лет, служа имамом мечети в Насыр-Корте. Спустя годы по возвращении домой Арсанукаев создает

[1] В современной Чечне они сохраняют свое прежнее название и по настоящее время.
[2] *Алим* (араб.) – «знающий, учёный», признанный и авторитетный знаток теоретических и практических сторон ислама.

в Алхан-Юрте исламскую школу *Тасу-хьуьжарш* и с увлечением предается занятиям с чеченскими и ингушскими детьми.

Драйверы развития системы исламского образования в Чечне в советский период и в современной России

В период советской эпохи исламское образование на Северном Кавказе и в стране в целом переживает серьезные метаморфозы. В значительной мере они были обусловлены политическими действиями советской власти по децентрализации мусульманского сообщества страны, в том числе изъятию у духовных управлений мусульман функции развития религиозного образования.

Заслуживает внимания периодизация исторического пути развития системы мусульманского образования в большинстве советских республик с мусульманским населением, предложенная В. О. Бобровниковым, А. Р. Наврузовым и Ш. Ш. Шихалиевым. Позволим себе пространную цитату из их труда, содержащую перечисление этапов трансформации исламского образования в Дагестане XX в., которые, по утверждению авторов, в той же мере применимы к истории мусульманской школы в мусульманских республиках СССР.

«Это гражданская война и борьба за установление Советской власти на Северном Кавказе (1918–1921), раннее советское культурное и административное строительство (1920-е гг.), массовые политические репрессии в ходе социалистических реформ (конец 1920-х – середина 1940- х гг.), легализация мусульманских институтов после создания Духовного управления мусульман Северного Кавказа (1944 – начало 1950-х гг.), наступление государства на ислам (середина 1950-х – начало 1960-х гг.), стабилизация отношений Советской власти и мусульманских общин в период «застоя» (1960-е – 1980-е гг.), «перестройка» (1985–1991), исламский подъем в постсоветский период (с начала 1990-х гг. по настоящее время)»[1].

С фактической ликвидацией в годы советской власти исламского образования среди мусульман, в том числе и чеченцев, особый статус и известность по-прежнему сохраняют за собой мусульманские образовательные учреждения Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) – средние учебные заведения медресе *Мир-и ‘Араб* (известно с 1540 г., воссоздано в 1945 г.) в Бухаре и медресе *Барак-хан* (1956–1961) в Ташкенте. «На базе последнего в 1971 г. был создан Ташкентский исламский институт (*'Алий ма 'хад*) имени Имама ал-Бухари, который функционирует по настоящее время» [15, с. 41].

Среди известных выпускников Ташкентского исламского института, оказавшегося единственным высшим исламским учебным заведением в Советском Союзе, был также Ахмат Абдулхамидович Кадыров (1951–2004), муфтий Чеченской Республики Ичкерия (1995–2000), чеченский религиозный и государственный деятель, руководивший Чеченской Республикой в 2000–2004 гг.

Масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР во второй половине 1980-х годов сопровождались ослаблением государственного контроля над конфессиональной сферой. Несмотря на то что в это период «доминирование САДУМа в исламском сообществе СССР завершилось» [16, с. 154], и оно вместе с ДУМ Северного Кавказа «в годы перестройки испытывали состояние кризиса и были поглощены внутренними проблемами, главной из которых стала усиливающаяся экспансия радикальных исламистов», а в 1989 г. и вовсе «прекратили свое существование» [16, с. 154], тем не менее заметные изменения в условиях существования мусульманских общин на Северном Кавказе создают определенные возможности для открытия в этом регионе частных исламских школ.

Так, в 1988 г. чеченский религиозный деятель и предприниматель Насуха-хаджи Ахматов (1905–2007) основывает в селе Курчалой Северо-Кавказское медресе, пригласив к руководству им А. А. Кадырова. В 1991 г. образовательная организация реорганизуется в высшее религиозное учебное заведение – Курчалоевский исламский институт (КИИ), а в 2004 г. после гибели Президента Чеченской

[1] Здесь приводится версия периодизации, которая изложена указанными авторами в учебном пособии «Исламское образование в советском Дагестане», подготовленном под общей редакцией В.О. Бобровникова в 2015 г. для профильных факультетов вузов с углубленным изучением ислама (региональный компонент). Разработка пособия была профинансирована в рамках реализации Санкт-Петербургским государственным университетом Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, утвержденного соответствующим распоряжением Правительства Российской Федерации, однако ознакомиться с полным текстом указанного издания не представляется возможным, частично оно представлено на платформе Архива открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета в сети Интернет по адресу: http://hdl.handle.net/11701/6537.

Республики Ахмата-Хаджи Кадырова вуз получает его имя. Спустя три года в результате реконструкции здания учебного заведения, инициированной руководителем Чечни Р. А. Кадыровым, были также построены новые административный и учебный корпуса, общежитие для обучающихся, в объемно-планировочной структуре здания размещены столовая и спортивный зал[1]. В настоящее время этот исламский вуз имеет на территории республики 13 филиалов.

Становление мира на чеченской земле, которое по праву связывают с такими политическими лидерами, как Владимир Путин и Ахмат-Хаджи Кадыров, придало мощный импульс и для развития обширной системы исламского образования в республике. Открытие новых примечетских начальных школ и школ хафизов, медресе и высших духовно-образовательных учреждений в значительно степени способствовало интеграции религиозного образования в Чеченской Республике в общероссийское образовательное пространство, духовному и нравственному развитию, снижению экстремистских настроений, расширению межконфессионального и межкультурного общения в российском обществе.

20 августа 2009 г. в г. Грозном открывается еще одно высшее мусульманское религиозное учебное заведение – Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи (РИУ). Эта духовная образовательная организация названа так в честь выдающегося религиозного деятеля Чечни и Ингушетии середины XIX в., суфия-миротворца, чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева [17]. Тем самым подчеркивается, что в вузе уделяется внимание не только преподаванию классического ислама, но и традиционного для региона суфийского ислама. Важность этого символического момента отмечается в специальном видеообращении председателя Правительства РФ В. Путина в связи с открытием РИУ, который, говоря о заслугах Кунта-Хаджи, подчеркивает, что «в драматическое и тяжелое для чеченцев время он звал к миру и осуждал войну»[2].

В своей речи В. В. Путин четко обозначил предназначение университета – «стать уникальным, научным и гуманитарным центром, в котором сочетаются богатейшие традиции исламского просвещения и самая обучающая технология»[3]. По мнению главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова, РИУ был организован с целью подготовки мусульманских богословов, способных бороться с ваххабизмом и экстремизмом. Важно отметить и то, что программа обучения студентов разработана в соответствии с достижениями ведущих исламских институтов мира, а также с учетом местных этнокультурных особенностей.

РИУ предъявляет особые требования к будущим студентам, они сдают два вступительных экзамена: чтение Корана и знание основ ислама. При этом отмечается такая тенденция – с каждым годом в вуз поступают все более подготовленные абитуренты обоих полов. Если в предыдущие годы поступавшие в РИУ девушки могли уступать юношам в области рецитации Корана (*таджвид)*, то при экзаменации в приемную кампанию 2022 г. ими нередко демонстрировались результаты по данной дисциплине от 90 до 100 баллов.

Сегодня РИУ – это крупный образовательный и научный центр подготовки мусульманского духовенства на Северном Кавказе. Общее число студентов, обучающихся в университете, составляет 700 студентов. ВУЗ реализует две основные образовательные программы высшего образования (уровень образования – бакалавриат) по направлению 48.03.01–Теология, а также «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» (профиль «Исламские науки»). Последняя – результат совместных усилий Совета по исламскому образованию (СИО), Российского исламского университета имени Кунта-Хаджи (ректор А. А.-М. Мутушев является также и заместителем председателя СИО), других исламских вузов страны – «направлена на формирование мусульманского мировоззрения, основанного на вероучении ислама в соответствии с положениями религиозно-правовых (ханафитской или шафиитской) и богословских (матуридитской или ашаритской) школ, на базе общероссийской гражданской идентичности с учетом традиционных ценностей мусульманских народов России»[4].

---

[1] Первый на Северном Кавказе исламский институт // Официальный информационный Интернет-сайт администрации Курчалоевского муниципального района Чеченской Республики [Электрон. ресурс]: [сайт]. –Электрон. дан. – URL: https://admin-kmr.org/pervyj-na-severnom-kavkaze-islamskij-institut/ (дата обращения: 16.06.2023).

[2] Текст видеообращения Председателя Правительства РФ В.Путина к чеченскому народу в связи с открытием в Грозном РИУ им. шейха Кунта-Хаджи и началом наступления священного месяца Рамадан // Грозный-информ: Информационное агентство Чеченской Республики [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: https://www.grozny-inform.ru/news/politic/13987/?ysclid=lmt1hcn12q228925690 (дата обращения: 16.06.2023).

[3] Там же.

[4] Образовательный стандарт высшего религиозного образования по направлению «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» (профиль «Исламские науки» (квалификация (степень) – «бакалавр исламских наук»). Принят на заседании Совета по исламскому образованию протокол № 2/19/СИО

В стенах РИУ проводятся семинары, в том числе с участием ведущих ученых и исследователей из Академии наук Чеченской Республики, круглые столы с приглашением имамов мечетей республики, на которых обсуждаются преподавание основ религиозной культуры в общеобразовательной школе как важнейшего компонента патриотического и духовно-нравственного воспитания. Это связано и с реализацией новой редакции Программы «Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики», утвержденной Главой Чеченской Республики Р. А. Кадыровым.

Выпускники исламских университетов востребованы в регионах с мусульманским населением, они успешно работают в качестве руководителей и вспомогательного административно-управленческого персонала местной мусульманской религиозной организации, преподавателей арабского языка, переводчиков, ведут просветительскую деятельность, в том числе в средствах массовой информации, учреждениях культуры и искусств, их приглашают специалистами в различные структуры государственной и муниципальной службы.

Немаловажная роль лицам, окончившим обучение в РИУ и КИИ, отводится в деле нравственно-гуманистического воспитания мусульманской молодежи, противодействия асоциальным поступкам, проявлениям религиозного радикализма и экстремизма в молодежной среде. Такая работа имеет принципиальное значение для устойчивого развития Чеченской Республики, учитывая, что в 90-е гг. XX в. при попустительстве властных структур в России активизировалась деятельность исламских радикалистов, представителей нетрадиционного для региона исламских течений, сопряженных с распространением среди мусульманской молодежи идей салафизма ваххабитского толка, которые ориентировали ее на террор и вооруженную борьбу под псевдорелигиозными лозунгами против законной власти, традиционного для региона духовенства, исламских ценностей как составной части общероссийской культуры, формировавшейся длительное время в рамках российской цивилизации.

В целях привлечения на свою сторону большего числа молодежи в северокавказских республиках эмиссары религиозно-политического экстремизма, имевшие широкий доступ к финансам зарубежных фондов, организовывали исламские школы, оснащенные компьютерами, новыми методиками чтения Корана, изучения ислама. В идеологическом плане они настраивали мусульманские массы против Российской Федерации, ориентировали их на создание самостоятельного исламского государства на Кавказе – имарата или халифата, против неуклонно растущего уровня доверия к традиционным исламским религиозным лидерам и мусульманским организациям, решительно противостоящим действиям экстремистского характера в своих общинах.

«Экстремизм и терроризм появляются из-за того, что используются неправильные учения, неверные толкования. Все беды происходят от незнания, – заявляет Муфтий Чеченской Республики Салах Межиев. – <…> Когда играем с этими течениями, допускаем их, они внедряют свою литературу, своих людей в образовательную сферу, делают сайты и там понемногу начинают “сеять” свои взгляды»[1].

Будучи уверенным, что и само «государство должно знать, что такое истинный ислам», С. М. Межиев называет главными средствами борьбы с терроризмом и экстремизмом наставление молодежи к правильному пути и приобщение к знаниям. «В Чечне полностью искоренили экстремизм. Но шайтан есть везде, и человек не застрахован. Сегодня все в порядке, а завтра он сбился с пути», – резюмирует муфтий.

Одним из ответов на вызовы духовному суверенитету России стала декларация «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений», принятая в 2016 г. в Грозном участниками Всемирной конференции мусульманских ученых «Кто они – люди Сунны и согласия? Разъяснение и описание пути Ахль ас-Сунна ва аль-Джама‘а с позиции вероубеждения, мусульманского права и суфизма и последствия отклонения от этого пути». Так называемая «Грозненская фетва» была поддержана российскими муфтиями Северного Кавказа, Урало-Поволжья, Сибири, Крыма, а также ряда стран СНГ. Принятый в столице Чеченской Республики документ, убежден С. М. Межиев, будет полезен всем мусульманам России и мира, а «религиозные организации, будь то медресе, муфтият, университет или мечеть, будут регистрироваться, основываясь на этой фетве»[2].

от 29 июля 2019 г. // Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи: [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: http://www.riu-grozny.ru/images/docs/a.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

[1] Сухарев М. Муфтий Чечни рассказал, как в республике борются с экстремизмом // Интернет-портал «Российской газеты». 2018. 26 июля : [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: https://rg.ru/2018/07/26/regskfo/muftij-chechni-v-respublike-boriutsia-s-ekstremizmom.html?ysclid=lmtaw8kstn59881102 (дата обращения: 16.06.2023).

[2] Муфтий Чечни Салах-хаджи Межиев выступил с комментарием по поводу фетвы, принятой на Всемирной Исламской конференции. Грозный-информ: Информационное агентство Чеченской Республики. 2016.

«Особую значимость коллективному решению большинства исламских духовных лидеров страны придает позиция умеренного ислама, разрушающая притязания представителей радикальных течений на свое превосходство в вопросах толкования религиозных ценностей, морали, заповеди и предписаний. Очевидно, что в качестве одного из главнейших средств в противостоянии деструктивным проявлениям должна стать формируемая в России многоуровневая национальная система исламского образования, скрепленная едиными методологическими подходами» [17, с. 783].

Единство и консолидация здоровых сил мусульманского сообщества России, что было подтверждено принятием Грозненской фетвы, явственно проступили в ситуации гражданской солидарности муфтиев Северного Кавказа, Татарстана, Саратовской области и Крыма с президентом России В. В. Путиным. Собравшись 16 марта 2022 г. во Владикавказе, они приняли решение о поддержке специальной военной операции. Представители основных религиозных мусульманских организаций России выпустили заявление, в котором действия руководства страны названы «вынужденной оборонительно-превентивной мерой с целью обезопасить Россию и всех ее граждан от реальной угрозы применения ядерного и биологического оружия со стороны стран НАТО и “коллективного Запада”»[1].

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что проводимая в Чеченской Республике модернизация исламского образования становится существенным фактором национальной безопасности региона и России в целом, укрепления духовного суверенитета. В республике создана единая и жизнеспособная система непрерывного исламского образования и науки, представленная тремя уровнями духовного образования: 7 школ хафизов (школа хафизов им. матери шейха-эвлия Кунта-Хаджи Кишиева Хеди Кишиевой и школа хафизов для девушек«Даруль Хуффаз» в г. Грозном, школа хафизов им. Табарик Байсултановой – матери Аймани Кадыровой в г. Аргуне, школа хафизов им. Зелимхана Кадырова в с. Центарой, школа хафизов им. шейха Заеда бен Султана Аль Нахайана в г. Гудермесе, школа хафизов им. Харона Алаудинова, г. Урус-Мартан; школа хафизов в с. Беной), 15 лицензированных медресе, 374 примечетских школ, действуют исламские университет и институт (РИУ, КИИ).

Вместе с тем, как нам представляется, по-прежнему сохраняется необходимость усиления в ходе обучения студентов исламских университетов их догматической и теоретической подготовки, развития компетенций и навыков ведения содержательной полемики по ключевым проблемам соотношения теологии и науки, религии и философии. Это в значительной степени позволит комплексно поднять на качественно новый уровень работу в сфере подготовки квалифицированных религиозных кадров, используя в том числе сбережение и изучение богословского наследия алимов Чечни и многонационального Северного Кавказа в целом как важнейший стабилизирующий фактор мирной жизни в регионе.

Список источников

1. Султыгов А.-Х. А., Еремин Е. В., Мухаметшин Р. М. Исламское образование в Российской Федерации: пройденный путь и новые задачи // Вестник Российской нации. 2022. № 6. С. 9–23.

2. Лаза В. Д., Беломыцев А. А. Исламское образование в контексте государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2021. № 4. С. 56–71.

3. Сызранов А. В. Становление и развитие государственной политики России по отношению к исламу // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4. С. 44–49.

4. Зорин В. Ю., Буров А. С. Возвращаясь к вопросу о развитии исламского образования в Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2023. № 1–2. С. 197–204.

5. Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный : Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Чеченской Республики, 1994. 128 с.

6. Албогачиева М. С. Г. Ислам в Ингушетии: История и современность // Центральная Евразия. 2019. № 1(3). С. 84–109.

23 сентября: [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: https://www.groznyinform.ru/news/society/77244/?ysclid=lbtx5j0d1x514841832 (дата обращения: 16.06.2023).

[1] Заявление лидеров мусульманских религиозных организаций Российской Федерации. Координационный центр мусульман Северного Кавказа: официальный сайт. 2022. 16 марта: [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: https://kcmsk.ru/novosti/zajavlenie-liderov-musulmanskihreligioznyh-organizacij -rossij skojfederacii (дата обращения: 16.06.2023).

7. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) / В кн.: Линевич И. П., Лаудаев У., Н. В. Сборник сведений о кавказских горцах : издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией при Кавказском горском управлении. Тифлис, 1868–1881. Вып. VI. 1872. С. 1–62. https://www.prlib.ru/item/363880

8. Акаев В. Х. Берса-Шейх (1561–1623) // Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.) : Сборник статей. Т. I. Книга I. Грозный: Акционерное общество "Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С. 164–168.

9. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: Джангар, 2002. 528 с.

10.Гапуров Ш. А., Сугаипова А. М. Шейх Мансур алдынский: страницы политической истории Чечни конца XVIII века // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 4. С. 130–140. https://doi.org/10.36684/12-2020-20-4-130-140

11.Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур (Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 372 с.

12.Омар-оглы (Омаров) А. Воспоминания муталима / В кн.: Комаров А. В., Ипполитов А. П., П. У., Воронов Н. И. , Омар-оглы А., С-в Е. Сборник сведений о кавказских горцах : издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией при Кавказском горском управлении. Тифлис, 1868–1881. Вып. I. 1868 (2016). С. 13–64. https://elib.rgo.ru/handle/123456789/212059

13.Гаджиева Д. Х. Грамматические сочинения арабских авторов и их дагестанские комментарии / В кн.: Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. С. 214–236.

14.Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев : Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1–2. Одесса: тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882–1883. 2 т. Т. 2: Адаты осетин, чеченцев и кумыков; Свод адатов горцев Северного Кавказа. Т. 2. 1883. 396 с.

15.Гафуров У. Т. История формирования и перспективы развития системы исламского образования Управления мусульман Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2018. № 1. С. 39–53.

16.Силантьев Р. А. Международная деятельность духовных управлений мусульман СССР в годы перестройки (1985–1991 гг.) // Власть. 2014. № 3. С. 154–156.

17.Мухаметшин Р. М., Кашаф Ш. Р. Наследие мусульманских богословов в фокусе исторического анализа адаптации исламской правовой системы к российским реалиям // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15, № 4. С. 763–794. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-4-763-794

References

1. Sultygov A.-Kh.A., Eremin E.V., Mukhametshin R.M. Islamic education in Russian Federation: completed stage and new tasks. *Vestnik rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian nation.* 2022;(6):9–23. (In Russ.)

2. Laza V.D., Belomytsev A.A. Islamic education in the context of state national policy of the Russian Federation. *Vestnik rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian nation.* 2021;(4):56–71. (In Russ.)

3. Syzranov A.V. Formation and development of Russian state policy towards Islam. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2011;(4):44–49. (In Russ.)

4. Zorin V.Yu., Burov A.Yu. Returning to the question of the development of Islamic education in the Russian Federation. *Vestnik rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian nation.* 2023;(1–2):197–204. (In Russ.)

5. Akaev V.Kh. *Sheikh Kunta-Haji: life and teachings*. Grozny, 1994. 128 p. (In Russ.)

6. Albogachieva M.S.-G. Islam in Ingushetia: History and Modernity. *Central Eurasia.* 2019;1(3):84–109. (In Russ.)

7. Laudaev U. Chechen tribe (with notes). In: Linevich I. P., Laudaev U., N. V. *Collection of information about the Caucasian highlanders: published with the permission of His Imperial Highness the Commander-in-Chief of the Caucasian Army under the Caucasian Mountain Administration.* Tiflis, 1868–1881. Vol. VI. 1872. P. 1–62. (In Russ.) https://www.prlib.ru/item/363880

8. Akaev V.Kh. Bersa-Sheikh (1561–1623). In: *Historical figures of Chechnya (XI–XXI centuries): Collection of articles.* T. I. Book I. Grozny: Joint Stock Company "Publishing and Printing Complex "Grozny Worker", 2020. P. 164–168. (In Russ.)

9. Akhmadov Sh.B. Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th centuries. (Essays on the socio-economic development and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th centuries). Elista: Dzhangar, 2002. 528 p. (In Russ.)

10. Gapurov Sh.A., Sugaipova A.M. Sheikh Mansur of Aldyn: the pages of the political history of Chechnya at the end of the 18th century. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of the Chechen State University*. 2020. № 4. С. 130–140. https://doi.org/10.36684/12-2020-20-4-130-140. (In Russ.)
11. Akhmadov Sh.B. *Imam Mansur (People's liberation movement in Chechnya and the North Caucasus under the leadership of Imam Mansur in 1785–1791).* 2nd ed., Elista: Dzhangar, 2010. 372 p. (In Russ.)
12. Omar-ogly (Omarov) A. Memoirs of a mutalim. In: Komarov A.V., Ippolitov A.P., P.U., Voronov N.I., Omar-ogly A., S-v E. *Collection information about the Caucasian highlanders: published with the permission of His Imperial Highness the Commander-in-Chief of the Caucasian Army under the Caucasian Mountain Administration.* Tiflis, 1868–1881. Vol. I. 1868 (2016). Pp. 13–64. https://elib.rgo.ru/handle/123456789/212059. (In Russ.)
13. Gadzhieva D.Kh. Grammatical works of Arabic authors and their Dagestan commentaries. In: Shikhsaidov A.R., Tagirova N.A., Gadzhieva D.Kh. *Arabic handwritten book in Dagestan.* Pp. 214–236. (In Russ.)
14. Leontovich F.I. *Adats of the Caucasian highlanders: Materials on the customary law of the Northern and Eastern Caucasus*. Vol. 1–2. Odessa, 1882–1883. 2 vol. Vol. 2: Adats of Ossetians, Chechens and Kumyks; Code of adats of the mountaineers of the North Caucasus. T. 2. 1883. 396 p. (In Russ.)
15. Gafurov U.T. History of the formation and prospects for the development of the Islamic education system of the Muslim Board of Uzbekistan. *Rossiya i musul'manskii mir = Russia and the Moslem World.* 2018;(1):39–53. (In Russ.)
16. Silantiev R.A. International activities of the spiritual administrations of Muslims of the USSR during the years of perestroika (1985–1991). *Vlast'.* 2014;(3):154–156. (In Russ.)
17. Mukhametshin R.M., Kashaf S.R. The legacy of Muslim theologians in the focus of historical analysis of the adaptation of the Islamic legal system to Russian realities. *Minbar. Islamic Studies.* 2022;15(4):763-794. (In Russ.) https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-4-763-794.

Информация об авторах

В. Х. Акаев – доктор философских наук, академик Академии наук Чеченской Республики, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, эксперт РАН, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова РАН.
Ш. Р. Кашаф – магистр теологии, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

Information about the authors

V. Kh. Akaev – Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Honored Scientist of the Chechen Republic, expert of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Science.
Sh. R. Kashaf – Master of Theology, Research Fellow at the Center for the Study of Central Asia, Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.
The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.